

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

Л. Д. Широкопад

В. М. ШТЕЙН И КАМПАНИЯ «БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ»: ДРАМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ

В первые послевоенные годы В. М. Штейн был одним из ведущих профессоров экономического факультета Ленинградского университета¹. Он был непревзойденным лектором, вел интенсивную научную работу: ежегодно публиковал статьи в «Вестнике Ленинградского университета» [2, с. 81–95; 3, с. 95–105; 4, с. 63–82], выступал с докладами на научных сессиях в ЛГУ², а также в качестве официального оппонента при защите кандидатских диссертаций С. Д. Зака, Е. М. Виленкиной, Н. В. Цапкина, М. М. Свещинской, С. М. Фирсовой. Но главным его делом была работа над монографией по истории русской экономической мысли.

Во второй половине 1940-х годов В. М. Штейн уже не был противником социализма, как в молодые годы. Победа в Великой Отечественной войне, решающая роль СССР в разгроме фашизма способствовали резкому повышению морально-политического авторитета и престижа нашей страны во всем мире, укреплению позиций социализма в целом. Это не могло не повлиять на отношение к социализму и марксизму многих представителей старой интеллигенции. Существенную эволюцию в этом направлении претерпели и взгляды В. М. Штейна³.

¹ По словам А. И. Буковецкого, «после возвращения Ленинградского университета из эвакуации в Ленинград руководящее положение на факультете занимали Рейхардт, Некраш, Штейн, Розенфельд и Бортник», причем «Бортник был самым влиятельным человеком в Ученом совете» [1, с. 251, 335].

² Например, в ноябре 1947 г. в Секции востоковедения на IV Научной сессии Ленинградского университета, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Штейн выступил с докладом «Экономическое положение Китая после Второй мировой войны», а в феврале 1948 г. — на специальной научной сессии, посвященной столетию «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

³ Отнюдь не случайным было, например, то, что в 1947 г. В. М. Штейн становится членом ВКП(б). Интересно в этой связи заявление А. И. Буковецкого, сделанное им следователю 6 октября 1949 г.: «В. М. Штейн начал свою литературную деятельность с буржуазных позиций, затем постепенно переходил к марксизму» [1, с. 270–271].

Леонид Дмитриевич ШИРОКОПАД — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории экономического факультета СПбГУ. В 1961 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1965 г. защитил кандидатскую, в 1981 — докторскую диссертации. Заслуженный деятель науки РФ. Сфера научных интересов — история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л. Д. Широкопад, 2011

Непосредственно перед войной великолепную монографию по истории русской экономической мысли в первой половине XIX в. опубликовал другой известный советский специалист по истории экономической мысли И. Г. Блюмин [5]. Это был период, когда после заключения пакта Молотова — Риббентропа советское руководство питало некоторые иллюзии относительно намерений Гитлера и стремилось блокироваться с ним против Англии и ее союзников в Европе. Заигрывание с Гитлером дошло даже до того, что властные структуры инициировали постановку двух опер его любимого композитора Р. Вагнера в ведущих оперных театрах страны — «Валькирию» в Большом театре в Москве (в постановке С. Эйзенштейна) и «Лоэнгрин» в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова в Ленинграде (21 июня 1941 г. состоялся второй и последний спектакль)⁴.

В этой обстановке можно было, не опасаясь идеологического разноса, писать всю правду о том огромном влиянии, которое оказывали немецкие экономисты на формирование теоретических взглядов многих русских экономистов первой половины XIX в. Ситуация, однако, резко изменилась после нападения фашистской Германии на Советский Союз. В 1944 г. в центральном партийном журнале «Большевик» была напечатана статья, подписанная А. Морозовым, в которой книга И. Г. Блюмина подвергалась суровой критике [9].

В условиях мощного подъема национального самосознания советского народа, естественной гордости за свою Родину, одолевшую в жестокой, кровопролитной войне гитлеровскую Германию, до того не знавшую поражений, многие советские ученые стремились показать самобытность и величие русской культуры и науки. Вот почему В. М. Штейн поставил перед собой задачу развеять представление о том, что русские экономисты лишь повторяли зады европейской, прежде всего немецкой, экономической науки. Конечно, при этом он не мог не учитывать и ту суровую критику позиции И. Г. Блюмина, с которой выступил центральный партийный журнал.

В 1947 г. Издательство Ленинградского университета опубликовало «Очерки по истории русской общественно-экономической мысли в XIX–XX вв.» В. М. Штейна. Автор работал над книгой во время войны и в первые послевоенные годы. Первоначально он предполагал написать учебник «Основная линия развития русской экономической мысли» и даже планировал сдать этот учебник в производство в четвертом квартале 1944 г. Но работа разрасталась, сроки ее издания несколько раз пролонгировались, однако в течение нескольких лет она неизменно включалась в план Издательства ЛГУ по подготовке учебников [10, с. 134]. В конечном счете получился не учебник, а «Очерки...»

⁴ Табу на творчество и имя Вагнера, которое было наложено в СССР в начале Великой Отечественной войны, «предшествовала короткая попытка официального примирения с Вагнером, которая совпала с печально известными советско-германскими договорами 1939 г. Именно тогда советская власть попыталась благосклонно взглянуть на Вагнера, чтобы доставить удовольствие Германии. Следствием пакта Молотова — Риббентропа стала знаменитая постановка «Валькирии» (режиссер С. Эйзенштейн) в Большом театре в Москве. А в Ленинграде накануне войны на сцене Кировского театра появился «Лоэнгрин». В день объявления войны спектакль был отменен и снят с репертуара» [6, с. 86, примеч. 1].

«На фоне возобновлений старых спектаклей и далеко не всегда удачных режиссерских решений ярко выделяется постановка «Валькирии» в Большом театре, осуществленная С. М. Эйзенштейном. Сценическая жизнь этого талантливого спектакля, к сожалению, была короткой. Показанный 27 ноября 1940 г., он сошел со сцены, когда началась Великая Отечественная война. По-видимому, причина заключалась в том, что творчество автора «Кольца нибелунга» пользовалось особой популярностью в фашистской Германии» [7, с. 279, 284] (см. также: [8, с. 311]).

В этой книге В.М.Штейн, по существу, предпринимает попытку создать основы марксистской (в том понимании марксизма, которое господствовало в то время в СССР) концепции истории русской экономической мысли XIX–XX вв. Вся эта история делится им на два этапа — марксистский и немарксистский. При характеристике первого из них особое внимание уделяется анализу экономических взглядов В.И.Ленина и И.В.Сталина как вершин русской и мировой общественно-экономической мысли. Это своеобразное *tutti*, которым завершается сочинение В.М.Штейна, вполне соответствовало традициям того времени.

Центральное место в домарксовской экономической мысли России он отводит Н.Г.Чернышевскому, которого характеризует как «великого русского экономиста». Своеобразие «Очерков...» В.М.Штейна заключается, в частности, в обосновании вывода о том, что экономическое учение Н.Г.Чернышевского генетически было связано с экономическими взглядами, во-первых, русских реформаторов начала XIX в. (М.М.Сперанский, М.А.Балугьянский, Н.С.Мордвинов, Н.И.Тургенев, К.И.Арсеньев и др.), во-вторых, просветителей 1840-х годов (А.П.Заблоцкий, В.Майков, Д.П.Журавский, В.А.Милютин и др.). Именно здесь, по мнению В.М.Штейна, следует искать корни учения Н.Г.Чернышевского. И он дает обстоятельный, тонкий и глубокий анализ взглядов его предшественников. Книга написана с таким мастерством и знанием предмета исследования, эпохи в целом, что читается как роман. Это одна из лучших работ по истории русской экономической мысли, которые когда-либо были написаны, если не принимать во внимание неизбежные в то время идеологические перекосы.

24 февраля 1947 г. новая монография В.М.Штейна была удостоена на Ученом совете ЛГУ одной из трех университетских премий первой степени за лучшие научные работы⁵. Как заявил председатель конкурсной комиссии проф. В.А.Догель, «судя по отзывам ряда специалистов, работа эта является блестящим научным достижением в области истории экономической мысли в России. В ней особенно удачно и оригинально освещен ряд вопросов относительно связи между экономическими условиями и возникновением определенных идей» [11, с. 172–173].

К концу 1940-х годов в условиях обостряющейся холодной войны и усиливающейся конфронтации с Западом партийное руководство страны дает старт новой кампании, направленной якобы против проявлений буржуазной идеологии в советском обществе, в защиту марксизма. В ходе этой кампании были ошельмованы и репрессированы и многие ученые, в том числе ученые-экономисты. Особенно пострадали ученые-экономисты Ленинградского университета, поскольку их лидер, проф. А.А.Вознесенский, как и его брат Н.А.Вознесенский, оказались в центре преследований. Одной из жертв этой кампании стал и В.М.Штейн.

В апрельском номере «Вопросов экономики» за 1948 г. книга В.М.Штейна подвергается уничтожающей критике в рецензии Н.А.Цаголова, озаглавленной «Порочная книга о развитии русской экономической мысли». Давая общую оценку этой книги, рецензент пишет, что ее автор «создал искусственную, ложную конструкцию вместо правдивой истории русской экономической мысли». Не удовлетворяет Н.А.Цаголова и структура книги В.М.Штейна, в частности, его попытка «провести прямую линию от “реформаторов” начала XIX в. (Сперанский, Мордвинов) к просветителям, состав которых в изложении автора выходит далеко за пределы обычного понимания просве-

⁵ Две другие первые премии получили проф. А.В.Венедиктов и проф. Б.А.Чагин [11, с. 172].

тительства, к славянофилам и от них к Чернышевскому» [12, с. 102]. Преемственность, по мнению Н. А. Цаголова, существует не между «реформаторами» (это слово Н. А. Цаголов ставит в кавычки) и просветителями, а между декабристами и просветителями. Рецензент обвиняет В. М. Штейна в игнорировании важной роли А. Радищева и декабристов в формировании антикрепостнической тенденции русской экономической мысли и, с другой стороны, в переоценке роли «реформаторов» в этом процессе, в непонимании классово-ограниченности их взглядов. Особенно «неосновательными» признаются «восторги автора перед Балугьянским и попытка превратить его в предшественника Чернышевского».

Отвергается и другая «генетическая линия идей», которую пытается провести В. М. Штейн, — его попытка «установить прямую связь между воззрениями Н. Г. Чернышевского и славянофилов» [12, с. 103]. М. Штейн критикуется и за чрезмерно расширительное понимание просветительства, в частности за включение в это направление идеологов либеральствующих помещиков вроде П. Киселева и П. Заблоцкого.

В то же время утверждения В. М. Штейна о понимании Н. Г. Чернышевским роли пролетариата; о том, что он заложил основы теории некапиталистического развития, которую развил К. Маркс, и некоторые другие свидетельствуют, по мнению Н. А. Цаголова, о неправомерном сближении Н. Г. Чернышевского с марксизмом.

Грубошибочными представляются Н. А. Цаголову включение в состав «легальных марксистов» Н. И. Зиберы, А. И. Чупрова и других, а также его попытка доказать позитивную роль «легальных марксистов» в обеспечении торжества марксизма в России.

«В корне неправильна и особенно вредна глава книги Штейна, посвященная изложению учения Ленина — Сталина... Автор... дал грубо извращенную картину ленинско-сталинского этапа экономической науки» [12, с. 107]. Так, он игнорирует работы Ленина, посвященные экономике переходного периода, и работы Сталина по теории империализма и общего кризиса капитализма; сосредоточивает свое внимание на аграрном, крестьянском вопросе, хотя и его излагает крайне неудовлетворительно, и т. д.

В целом, по мнению Цаголова, В. М. Штейн разработал «немарксистскую конструкцию развития русской общественно-экономической мысли в XIX–XX вв.» [12, с. 109].

В отличие от В. М. Штейна Н. А. Цаголов был очень хорошо подготовленным марксистом сталинистского типа. И с точки зрения такого марксизма его критика была весьма убедительной. При общем неприятии книги В. М. Штейна Н. А. Цаголов все же вынужден был признать, что она «не лишена отдельных интересных положений, в ней использованы некоторые новые материалы» [12, с. 102]. Правда, в данном случае Н. А. Цаголов явно погрешил против истины: интересных положений и новых материалов в этой книге было очень много. Но до столь тонкого и глубокого понимания и, если так можно выразиться, ощущения сталинизированного марксизма, которые проявлял Н. А. Цаголов, В. М. Штейну было очень далеко. Его «драма» состояла в том, что он так и не смог преодолеть в себе «комплекс» объективного исследователя, исходящего в своей научной работе прежде всего из фактов, а не из некоей заданной и весьма жесткой идеологии. При Сталине же требовалось именно последнее. Прокрустово ложе сталинистского марксизма явно не подходило для него, поэтому он везде терпел неудачу: и в экономической географии, и в экономической теории, и в истории как западной, так и российской экономической мысли, и в других областях. Везде он был *persona non grata*, ибо совершенно не отвечал жестким идеологическим требованиям, предъявлявшимся при Сталине. В послевоенный период он уже принял марксизм, шел

навстречу ему. Если бы он получил товарищескую поддержку от своих коллег-марксистов, то марксистская экономическая наука лишь выиграла бы от этого, ибо ученых такого уровня было не так много. Но для этого нужно было, чтобы и марксизм был более восприимчив ко всему новому, чтобы он был живым, развивающимся вместе с самой реальной действительностью. Однако при Сталине он был превращен в сухую, безжизненную, жесткую, схематизированную догму, все более терявшую связь с реальностью, все более приспособляющуюся к выполнению идеологических, а не познавательных функций. Все послесталинские попытки оживить, реформировать марксизм в целом носили чисто «косметический» характер. Такая идеология оказывалась все менее и менее полезной для того общественного строя, который была призвана защищать, и в конце концов рухнула вместе с этим строем. Разумеется, это не означало крушения марксизма как такового.

Появление столь резкой критической статьи в центральном экономическом журнале страны, как это обычно бывало в таких случаях, послужило сигналом к началу идеологической кампании против В. М. Штейна. Прежде всего на эту статью должен был отреагировать Ленинградский университет. 7 июня 1948 г. в Отделе экономики Научно-исследовательского института экономики, философии и права при Ленинградском университете, образованном примерно за год до этого, было проведено обсуждение книги В. М. Штейна. Оно вызвало огромный интерес: на заседании присутствовало более 200 преподавателей, научных работников и аспирантов ЛГУ и других ленинградских вузов. Выступили 13 человек.

В журнале «Вестник Ленинградского университета» (1948, № 8) был опубликован обзор этого обсуждения, подписанный «Р-д» (очевидно, автором обзора был руководитель указанного Отдела проф. М. В. Раутбард⁶). Однако составлен он был очень тенденциозно: положительные оценки книги В. М. Штейна, которые были высказаны в ходе ее обсуждения, в обзоре практически отсутствуют. Очевидно, это было сделано из перестраховочных соображений, чтобы в выгодном свете представить дискуссию по книге В. М. Штейна. Впрочем, это не спасло самого М. В. Раутбарда от скорого ареста.

Выступление проф. А. И. Буковецкого представлено в обзоре таким образом, будто он в основном критиковал В. М. Штейна, хотя и указывается, что он отметил и кое-какие достоинства в его книге. В то же время декан экономического факультета С. А. Ильин на допросе, который вел следователь по делу А. И. Буковецкого, 5 июля 1949 г. заявил: «На дискуссии по названной книге Штейна 7 июня 1948 г. Буковецкий, взяв первым слово для выступления, назвал эту явно враждебную марксизму-ленинизму книгу “литературной удачей”, “гордостью нашей страны” и заявил, что “отдельные места этой книги сделаются, конечно, классическими местами”. Буковецкий показал, чем, собственно, восхищает его эта враждебная книга Штейна. Он говорит: “Наши экономисты, которые до сих пор занимались изучением экономических учений, желали все найти непосредственно у Маркса и Энгельса. Они желали дать представление об экономических учениях непосредственно словами, цитатами, высказываниями Маркса и Энгельса. Но в отношении русской экономической мысли сделать это непосредственно нет возможности. Я, прежде всего, должен поздравить наш коллектив с тем обстоятельством, что член нашего коллектива (Штейн) смог решить эту задачу”

⁶ В литературе встречаются различные написания фамилии — Раутбард, Раутбарт, Раудбард, Раутберг, Раутберг.

(Из стенограммы дискуссии по книге Штейна). Итак, Буковецкий видит главную “заслугу” Штейна в том, что он обошелся без классиков марксизма. За это Буковецкий и отнес книгу Штейна к числу “классических” произведений». Ильин сообщил следователю и то, что «в процессе обсуждения враждебных лекций Буковецкого Штейн категорически отказался выступить с критикой этих лекций, несмотря на мои настойчивые предложения Штейну выступить на заседании кафедры с целью объяснения своей позиции по отношению к лекциям Буковецкого» [1, с. 69–70]. На допросе, состоявшемся 16 сентября 1949 г., Буковецкий признал, что его выступление свелось к защите книги Штейна [1, с. 251].

По мнению Сливовского, «при чтении книги тов. Штейна создается впечатление, что автор заботился больше всего о том, чтобы скорее опубликовать накопившийся у него новый материал, а не о том, чтобы дать цельное, законченное исследование». Об этом свидетельствует, например, тот факт, что XIX век называется в книге «замечательным столетием» в развитии русской общественно-экономической мысли, и в то же время при его характеристике он опускает анализ взглядов Радищева и декабристов. «Особенно порочным, явно обнаруживающим немарксистскую методологию» Сливовский считает стремление Штейна представить учение Ленина и Сталина как прямое продолжение учений их русских предшественников и как обобщение опыта только России [13, с. 133]. Б. Н. Биркин подчеркнул, что Штейн дал в своей книге плехановскую, а не ленинскую трактовку взглядов и деятельности Чернышевского. «Чернышевский не показан ни как революционный демократ, ни как великий русский экономист, вершина русской экономической мысли домарковского периода» [13, с. 134].

Проф. М. Ю. Бортник отметил особую нетерпимость представленной в книге Штейна точки зрения преемственности идей; ошибочность попытки Штейна искать корни как «фашистского скудоумия», так и перехода марксистского наследия к СССР в далеком прошлом. Недооценивая Ленина, Штейн, по словам Бортника, явно переоценивает роль Плеханова в развитии русской экономической мысли» [13, с. 134–135].

Как заявила в своем выступлении Виленкина, важнейшим недостатком книги Штейна является «недопустимая идеализация славянофилов». Ошибочная методология, использованная Штейном, приводит к тому, что грани между различными направлениями общественной мысли, представляющими различные классовые интересы, оказались в большинстве случаев стертymi. Более того, в книге Штейна стирается принципиальное различие между всей домарксистской политэкономией и марксизмом-ленинизмом. «Переворот в политической экономии трактуется как лишь “заключительный этап в идеологическом развитии”» [13, с. 135–136].

Проф. М. Б. Раутбард говорил об отступлении Штейна от элементарных требований, предъявляемых марксизмом-ленинизмом к историческим исследованиям, о его немарксистском подходе к анализу собранного материала. В изложении Штейна «представители различных классов развивают одни и те же идеи, передавая их друг другу в порядке преемственности... Игнорируя классовую борьбу... автор “Очерков” идеализирует социально-экономический строй дореволюционной России, особенно ее аграрный строй, всячески доказывая, что только специфические черты этого строя создали возможность для союза рабочих и крестьян... Концепция автора... ведет не только к полному стиранию граней между ленинизмом и учением русских экономистов домарковского периода, но и к определению самого ленинизма как учения, являющегося продуктом специфических условий России и применимого только в этих

условиях, то есть ведет к определению ленинизма, разоблаченному в свое время товарищем Сталиным, как явно вражеского. Корни порочной, в силу этого, концепции автора “Очерков” лежат... в игнорировании указаний Ленина и Сталина по вопросам, излагающимся в книге» [13, с. 136–137].

В какой-то мере защитить Штейна в ходе обсуждения пытались лишь молодые исследователи — В. Ф. Цага и С. М. Фирсова. По-видимому, именно поэтому автор обзора материалов обсуждения книги Штейна подменил изложение их выступлений осуждением их позиций. По поводу В. Ф. Цаги в обзоре было указано, что она, «высказав несколько критических замечаний о книге тов. Штейна, старалась больше всего выпячивать ее достоинства. Большую часть своего выступления тов. Цага посвятила осуждению взглядов Ткачева, явно идеализируя их и преувеличивая их роль в развитии русской общественно-экономической мысли. Тов. Фирсова, заявив, что она собирается критиковать книгу тов. Штейна, в действительности заняла явно непартийную позицию, пытаясь без всякого основания отрицать имеющиеся в книге грубейшие ошибки. Выступления тт. Цаги и Фирсовой были подвергнуты критике в выступлениях тт. Бортника и Раутбарда, отметивших, что эти выступления говорят о недостаточном развертывании критики и самокритики в научной работе на политэкономическом факультете, что сказывается на воспитании молодых научных работников» [13, с. 138].

Выступивший в ходе обсуждения В. М. Штейн защищал свои позиции, пытаясь отвести наиболее опасные в идеологическом отношении нападки. Эти попытки, естественно, не были признаны убедительными. Завершая свое выступление, Штейн пытался доказать, что он, хотя, быть может, и допустил некоторые ошибки, зато выполнил патриотический долг, написав книгу, в которой «возвеличивается русская общественно-экономическая мысль прошлого». Комментируя это утверждение, сделанное Штейном, Раутбард заявил: «...этим тов. Штейн только показал свое неправильное, неленинское понимание патриотизма... Ясно... что огульное возвеличение тов. Штейном всех течений русской общественно-экономической мысли, игнорирование борьбы реакционных и прогрессивных течений, смазывание решающей роли марксизма-ленинизма в победе прогрессивных сил над реакционными ничего общего с настоящим патриотизмом не имеет» [13, с. 139–140]. Завершил дискуссию ответственный редактор книги проф. В. В. Рейхардт. Он признал справедливой прозвучавшую в ходе обсуждения суровую критику книги Штейна. В то же время Рейхардт сообщил, что уже в процессе редактирования книги он как ответственный редактор выразил ее автору свое несогласие с общей структурой работы и высказал ряд замечаний, которые в значительной степени предвосхищали критику, прозвучавшую в ходе обсуждения. «Пытаясь, однако, оправдать себя как редактора, допустившего выход столь порочной книги, — пишет Раутбард, — тов. Рейхардт заявил, что хотя он не был согласен с автором по целому ряду вопросов, он все же не считал возможным воспротивиться опубликованию книги, так как наряду с ошибками в ней имеются и положительные стороны. Они заключаются, по мнению тов. Рейхардта, в доказательстве самостоятельности развития русской общественно-экономической мысли; в наличии богатого материала по наиболее важному и наименее разработанному периоду развития русской общественно-экономической мысли, поскольку другие авторы пока не ушли в своих работах дальше начала XIX в.; в показе того, что революционно-демократический характер передовой русской общественно-экономической мысли подготовил в России почву для высшей ступени марксизма — для ленинизма» [13, с. 140].

Эти попытки Рейхардта оправдать свое положительное решение по поводу издания книги Штейна Р-д также признает неубедительными. «Нельзя было допустить опубликования книги, в которой некоторые положительные моменты перекрываются многочисленными пороками и целой порочной концепцией» [13, с. 140].

Если судить по обзору дискуссии, составленному Р-дом, то нельзя не прийти к выводу, что выступавшие в основном повторяли или развивали те аргументы, которые были выдвинуты Н. А. Цаголовым в его апрельской статье.

В сентябре 1948 г. с критикой книги Штейна выступил журнал «Пропаганда и агитация». Рецензия В. Горынина и В. Трофимова не была оригинальной, она также в основном лишь повторяла аргументы Н. А. Цаголова. Все же появление этой очень резкой рецензии в органе Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) свидетельствовало об эскалации кампании нападок и обвинений на указанную книгу, о подключении к этому процессу политических инстанций весьма высокого уровня. В рецензии содержатся резкие обвинения и в адрес ответственного редактора книги проф. Рейхардта. В частности, самокритика, прозвучавшая в его выступлении в дискуссии по книге Штейна в Отделе экономики Института экономики, философии и права при ЛГУ, была признана формальной и совершенно недостаточной. «Самокритичное выступление т. Рейхардта в действительности далеко не самокритично. Речь идет не об отдельных нечетких формулировках, а в целом о глубоко порочной, немарксистской книге, которую нельзя было выпускать» [14, с. 64].

2–5 октября 1948 г. состоялась расширенная сессия Ученого совета Института экономики АН СССР. С докладом «О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики» выступил директор Института экономики, член-корреспондент АН СССР К. В. Островитянов. Иллюстрируя свой тезис о весьма плачевном положении с разработкой проблем истории экономической мысли России, он в качестве примера сослался на издание монографии Штейна. «Книжка проф. В. М. Штейна “Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX вв.”, изданная Ленинградским государственным университетом, содержит неправильную, антимарксистскую концепцию развития русской экономической мысли, трактует проблемы истории экономической мысли с идеалистических позиций, в отрыве от развития экономики и классовой борьбы». Перечислив другие «недостатки» книги, о которых уже говорилось в рецензии Цаголова, он заявил: «Приходится удивляться, как такая антимарксистская работа могла быть издана Ленинградским государственным университетом» [15, с. 73] (см. также [16, с. 83]).

О книге Штейна упомянул в своем выступлении в прениях по докладу К. В. Островитянова проф. М. В. Раутбард. Обсуждение книги Штейна [15, с. 88] он отнес к достижениям работы возглавляемого им Научно-исследовательского института экономики, философии и права при ЛГУ.

В резолюции, которая была принята на расширенной сессии Ученого совета Института экономики АН СССР, было указано на немарксистский характер книги Штейна [15, с. 114].

В самом начале 1949 г. начинается кампания борьбы с космополитизмом [17, с. 705–706]. В передовой статье «Правды» от 23 января 1948 г. содержались уже очень жесткие формулировки: «Оголтелый космополитизм не только антинароден, но и бесплоден. Он вреден, как те паразиты в растительном мире, которые подтачивают ростки полезных злаков. Он служит проводником враждебных нам буржуазных реакционных

влияний...перед нами со всей остротой стоят задачи борьбы против безродного космополитизма, против проявлений чуждых народу буржуазных влияний» [18, с. 3].

Новая политическая линия советского руководства принимается к исполнению на местах, в том числе в Ленинграде. В резолюции X областной и VIII городской объединенной конференции Ленинградской организации ВКП(б) по отчетному докладу областного и городского комитетов ВКП(б) говорилось: «На основе указаний ЦК ВКП(б) необходимо направить внимание партийных организаций и профессорско-преподавательских коллективов вузов на дальнейшую перестройку преподавания... экономических... наук, на ликвидацию вредных, антимарксистских “теорий” и направлений в различных отраслях науки...» [19, с. 30].

Кампания против «безродного космополитизма», как известно, в основном имела антиеврейскую направленность. Положение Штейна, таким образом, еще более осложнялось. 13 апреля 1949 г. в передовой статье газеты «Ленинградский университет» Штейн был назван «последовательным выразителем идей космополитизма в экономической науке». В этой связи припомнили его позицию по вопросу о возрождении промышленности, высказанную в журнале «Экономист» в 1922 г. Что касается его «Очерков...», то они характеризуются здесь как «ревизионистский» труд, «наполненный космополитическими извращениями истории русской экономической мысли... Только антипатриот, безродный космополит может так изображать роль “немецкой партии” в развитии русской науки». В статье утверждается, что несмотря на резкую критику в печати и на факультете, Штейн не сделал для себя никаких выводов. «В его лекциях для студентов до сих пор имеют место извращения истории развития общественно-экономической мысли в России, игнорирование и замалчивание марксистско-ленинских положений при оценке того или иного экономического явления. Не случайно поэтому на семинарских занятиях некоторые студенты по основным вопросам истории политической экономии приводят лишь точки зрения профессоров В. Штейна и Д. Розенберга, а положений классиков марксизма-ленинизма не знают, так как в лекционном курсе В. Штейна о них меньше всего говорится» [20].

В ходе «борьбы с космополитизмом» в начале 1949 г. на экономическом факультете ЛГУ перерабатывались учебные программы. Представил новую программу и В. М. Штейн. Его положение, однако, было уже безнадежным. Новая программа была использована для новых нападок на него. «Разработанная проф. В. Штейном в 1949 г. программа по истории политической экономии, — утверждалось в органе парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома ЛГУ, — показала, что В. Штейн не только не разоружился, но и продолжает упорно воспроизводить клевету на русских ученых, которую допустил в книге... Принижение роли русских экономистов, стремление обеднить экономическое учение В. И. Ленина и И. В. Сталина — подобными вреднейшими и грубейшими ошибками заполнена вся программа, разработанная В. Штейном. Вполне естественно, что кафедра политической экономии отвергла эту программу» [20].

На основе этих и других обвинений в адрес В. Штейна, а также Я. Розенфельда, А. Буковецкого и В. Рейхардта в передовой статье газеты «Ленинградский университет» было выдвинуто требование «оградить учащуюся молодежь от растленной идеологии космополитизма» [20]. Фактически это был призыв к устранению профессоров «космополитов» от работы на экономическом факультете.

18 апреля 1949 г. министр образования СССР С. В. Кафтанов направил письмо заведующему Агитпропом ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилову, озаглавленное «О засоренности

кадров политико-экономического факультета Ленинградского университета». В нем, в частности, говорилось: «Проверкой работы политико-экономического факультета Ленинградского университета в начале текущего учебного года было установлено, что декан факультета доцент Рейхардт развалил учебную и научную работу факультета; привлек к работе на факультете сомнительных в политическом отношении людей, в библиотеке факультета было обнаружено свыше 1000 названий контрреволюционных и вредных книг, брошюр и журналов, которые необходимо было давно изъять из употребления. Рейхардт был снят с работы декана, а Бюро Василеостровского РК ВКП(б) исключило его из членов ВКП(б)... В результате изучения кадров были вскрыты крупные ошибки космополитического характера у профессоров этого факультета Раутберга, Штейна, Розенфельда и некоторых других научных работников.

При обсуждении недостатков работы факультета на партийном собрании политико-экономического факультета и на Ученом совете факультета в марте–апреле с. г. указывалось, что большая доля вины за засорение кадров факультета лежит на бывшем ректоре университета тов. А. А. Вознесенском, который привлек к работе на факультете ряд политически сомнительных людей, вопреки протесту партийной организации...

Отстранены от преподавательской работы Рейхардт, Штейн, Розенфельд, Раутбарт» [21, с. 421–422]⁷.

26 мая 1949 г. был подписан приказ министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова «О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета». В нем, в частности, Штейн был отнесен к лицам, в течение многих лет допускавшим идеологические ошибки. В своих «Очерках...», говорилось в приказе, Штейн «основное внимание уделяет отсталым реакционным течениям в экономической мысли России (“славянофилам”, “легальным марксистам” и прочим), в то же время замалчивает и обедняет все прогрессивное и революционное в истории русской экономической мысли» [22]. Указывается на неудовлетворительность руководства Штейном учебной и научной работой возглавляемого им восточного факультета. Ректор ЛГУ Н. А. Домнин обязывался провести к 25 июня 1949 г. аттестацию профессорско-преподавательского состава Университета и представить предложения по результатам аттестации на утверждение Министерства. Штейн был освобожден от обязанностей декана восточного факультета. На эту должность был назначен кандидат исторических наук, доцент Г. В. Ефимов. Доцент С. А. Ильин был назначен зав. кафедрой конкретных экономик [22, с. 2–4]. Комментируя этот приказ, редакция газеты «Ленинградский университет» отмечала, что на гуманитарных факультетах ЛГУ долгое время подвизались профессора с чуждой идеологией. «Они преклонялись перед растленной западной культурой, принижали приоритет русской науки, тормозили выполнение решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, проповедовали среди студенчества свои порочные объективистские взгляды. Подбор кадров на факультетах проводился ими по признаку семейственности» [23, с. 1].

Аттестация профессорско-преподавательского состава ЛГУ, о которой говорилось в приказе министра, фактически означала чистку кадров. Она была частью тотальной и в значительной степени антиеврейской кампании, развернувшейся в стране в 1949 г. [17, с. 589].

⁷ В примечании к этой публикации указывалось, что «к письму С. В. Кафтанова прилагалась “Справка о кадрах политико-экономического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова”, подписанная деканом факультета и секретарем партбюро факультета» [21].

Через полгода после подписания этого приказа новый декан экономического факультета С. А. Ильин, подводя итог работе по его реализации на вверенном ему факультете, писал: «Весной, после приказа министра, была коренным образом перестроена вся деятельность факультетов. Факультет был освобожден от лиц, не соответствующих по своим политическим и деловым качествам требованиям, предъявляемым к ним жизнью» [24, с. 3]. Среди этих лиц оказался и В. М. Штейн. 1 сентября 1949 г. он был арестован.

В докладной записке Агитпропа ЦК М. А. Суслову о результатах проверки работы Дома партийного актива Ленинградского горкома ВКП(б), подписанной заместителем заведующего сектором партийной пропаганды Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Болговым 7 сентября 1949 г., говорилось: «Проверка показала, что состав консультантов и лекторов Ленинградского Дома парт[ийного] прос[вещения] оказался засоренным антипартийными элементами. В 1948/49 учебном году для чтения лекций в Доме партийного актива привлекалось 88 человек внештатных лекторов, среди которых подвизались... космополиты (Штейн...) и группа арестованных врагов народа (Рейхардт, Раудбард и другие). Все эти консультанты и лекторы, выступая от имени лектория горкома партии, т. е., по существу, от имени горкома партии, работали бесконтрольно. Как правило, они читали лекции без предварительного представления текста или тезисов. Стенограммы велись только в том случае, когда в этом был заинтересован сам лектор, причем текст стенограммы никем не просматривался и не утверждался и после правки автором сразу поступал в библиотеку для выдачи читателям» [21, с. 488–489].

На судьбы Штейна и других профессоров и преподавателей экономического факультета ЛГУ, изгнанных из Университета, серьезное воздействие оказало «ленинградское дело», раскрутка которого также началась с первых месяцев 1949 г. Поскольку первым деканом экономического факультета, а затем ректором ЛГУ был брат главного обвиняемого по этому фальсифицированному «делу» А. А. Вознесенский, профессорско-преподавательский состав именно этого факультета прежде всего оказался под прицелом его инициаторов и вдохновителей. Как отмечает Г. В. Костырченко, в провинции «по части драконовских методов расправы с неугодной интеллигенцией, в том числе и еврейской, пожалуй, лидировал Ленинград, где новое партийное руководство, особенно первый секретарь горкома и обкома В. М. Андрианов, всеми силами стремились восстановить к городу на Неве доверие Сталина, изрядно подорванное в результате набравшего силу "ленинградского дела". Прежде всего сокрушительный удар был нанесен по преподавательскому составу Ленинградского государственного университета...» [17, с. 589].

Весной 1950 г. редакция газеты «Ленинградский университет» с удовлетворением констатировала: «При помощи партийной организации и ректората за истекший период (т. е. за период, истекший со времени проведения предыдущей партконференции. — Л. Ш.) проведена значительная работа по *очищению* профессорско-преподавательского состава от сомнительных, чуждых партии и государству элементов» [25, с. 1] (курсив наш. — Л. Ш.).

Литература

1. Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. Архивное уголовное дело № П-48227. Т. III.

2. Штейн В. М. Бомбейский «15-летний план» 1944 г. и его критика // Вестн. Ленингр. ун-та. 1946. № 1. С. 81–95.

3. Штейн В. М. К истории дипломатии в древнем Китае и древней Индии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 6. С. 95–115.
4. Штейн В. М. Послевоенная экономическая экспансия США в Азии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 10. С. 63–82.
5. Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М., 1940.
6. Махрова Э. Русская культура: с Вагнером или без него? // С.-Петербургский Вагнеровский союз. Рихард Вагнер и Россия / под ред. Э. Махровой, Р. Поль. СПб., 2001.
7. Гозенпуд А. Рихард Вагнер и русская культура: исследование. Л., 1990.
8. Гозенпуд А. Оперный словарь. СПб., 2005.
9. Морозов А. Книга, извращающая историю русской экономической мысли // Большевик. 1944. № 7–8. С. 58–64.
10. Проф. Калесник С. В. План исследовательских работ Ленинградского университета в 1946 г. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1946. № 1. С. 134–136.
11. Проф. Догель В. А. О присуждении премий Ленинградского государственного ордена Ленина университета за лучшие научные работы в 1946 г. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 3. С. 172–173.
12. Цаголов Н. А. Порочная книга об истории русской экономической мысли // Вопросы экономики. 1948. № 4. С. 101–109.
13. Р-д. Обсуждение книги В. М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков» в Ленинградском университете // Вестн. Ленингр. ун-та. 1948. № 8. С. 131–140.
14. Горынин В., Трофимов В. Порочная, немарксистская книга // Пропаганда и агитация. 1948. № 18. С. 56–64.
15. О недостатках и задачах научно-исследовательской работы в области экономики. Расширенная сессия Ученого совета Института экономики Академии наук СССР. Доклад К. В. Островитянова // Вопросы экономики. 1948. № 8. С. 66–110.
16. О недостатках и задачах научно-исследовательской работы по вопросам экономики (к итогам сессии Ученого совета института экономики Академии наук СССР) // Плановое хозяйство. 1948. № 5. С. 80–91.
17. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.
18. Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 янв.
19. Резолюция X областной и VIII городской объединенной конференции Ленинградской организации ВКП(б) по отчетному докладу Областного и Городского комитетов ВКП(б) // Пропаганда и агитация. 1949. № 3. С. 11–32.
20. Решительно бороться с космополитизмом и буржуазным объективизмом в экономической науке // Ленинградский университет. 1949. 13 апр.
21. Россия. XX век. Документы. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова; отв. ред. Д. Г. Наджафов. М., 2005.
22. О крупных недостатках в учебной и научной работе гуманитарных факультетов Ленинградского университета: Приказ министра высшего образования СССР № 625 от 26 мая 1949 г. // Бюллетень Министерства высшего образования СССР. 1949. № 6. С. 1–4.
23. Боевая программа работы гуманитарных факультетов // Ленинградский университет. 1949. 27 окт.
24. Ильин С. На новом этапе // Ленинградский университет. 1949. 27 окт.
25. Проведем партийную конференцию под знаменем большевистской самокритики! // Ленинградский университет. 1950. 13 апр.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2011 г.